

Milana

М И Л А Н А

РУССКАЯ БАЛЛАДА

ИЛИ

СТАРЫЯ ПОГУДКИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЛ.

—
1834

PG 3450
A1 M5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ при Экземпляра С. Пешербургъ
17 Ноября 1854.

Ценсоръ В. Семеновъ.

АНТИВАРНАЯ
ВНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧОВА
Сиб., Литейный, 55.

77 Ам. 25

М И Л А Н А .

Такъ на свѣтѣ все превращено, сказали нѣкто, и дабы увѣковѣчить сіе замысловатое свое изрѣченіе, нарисовали преузарочную картину, въ которой всѣ дѣйствующія лица поставлены вверхъ ногами; сіе неестественное положеніе понравилось многимъ; и онѣ шото, вѣроятно, весьма многое дѣлается теперь вверхъ ногами, что дѣлывалось прежде вверхъ головою: и азъ, грѣшный, попался въ сіе положеніе, . . . такъ . . . невзначай, . . . я вздумалъ слѣдовать родительскому наставленію, быль всегда человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ присягѣ, защитникомъ беззащитныхъ, и въ шомъ числѣ казеннаго интереса: шо ешь, быль совершенно благороднымъ человѣкомъ, въ шомъ смыслѣ, какъ слово сіе принималось шогда, когда всѣ шествовали вверхъ головами: но шакія глупости весьма не понравились нѣкто-

шорымъ просвѣщеннымъ Аншиподамъ: мнѣ дали сильный полчекъ; голова моя, ошягченная вышеприведенными старомодными бреднями, перекувыркнулась въ низъ, симъ внезапнымъ, насильственнымъ движеніемъ, ноги поднялись вверхъ, я занялъ мое мѣсто въ преузарочной каршинѣ; что по старости лѣтъ гораздо для меня прудновашо; многое изъ того, что я кровавымъ пошомъ успѣлъ собрать для содержанія моего семейства, ужé чрезъ то повысшалось изъ моихъ кармановъ; не знаю даже, какъ удержашъ оспальное; пошому что по непривычности къ шакому положенію, я не могу придерживашъ карманы моими руками, кошорыми я долженъ уперѣться о землю, дабы удобнѣе сохранишь равновѣсіе всего шѣла. — по это дѣло пошоронное, не важное, очень обыкновенное, когда Аншиподы руководяшюся познаніемъ *гужаго добра и своего зла?*!.. Дѣло въ томъ, что я, добравшись лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ до русской грамошы, кое какъ, ошущю, самоучкою, вздумалъ на старости лѣтъ писашъ русскіе стихи!.. Въ прозѣ какой-то Тѣска мой, человекъ въпрочемъ незавидной, съ корошенкою душенькою, но съ длинными пальцами, съ шолешю, жадною женою, и съ парходнымъ духомъ, поневолѣ принудилъ меня упражняшся; а какъ я до-

волью переимчивъ, но говорясь, что я шакъ хорошо успѣлъ, что даже проза моя заснавила его прыгать въ шакпъ безъ музыки? — но и это дѣло постороннее; да и Тьёска мой ужé, какъ ракъ морской, шесшвуешъ бокомъ, и зарываешся въ песокъ задомъ: счастливая ему дорога; а я опять доберусь до несчастныхъ моихъ стиховъ: — въ эшомъ, безовсякаго умысла, виновашъ почтенный нашъ красношвецъ Г. Жуковскій: да просиши онъ великодушно Профана, осмѣлившагося заглянуть въ его цвѣшникъ: однакожъ въ эшомъ виновашъ не я, но Аншиподы, кошорые опрокинули меня ногами вверхъ, ошъ чего голова вок пришла въ шакое положеніе, что могла проглядывашъ подъ чужими заборами; и чтоже оставалось мнѣ болѣе дѣлашъ, ошъ скуки долговременной разлуки съ милымъ моимъ семействомъ, ошъ кошораго ошполкнули меня Аншиподы, какъ не разсмашривашъ чужіе цвѣшы, когда мои собственныя остались ошъ меня за шридевяшъ земель?.. вошъ я взянуль на Людмилу; цвѣшокъ хорошенькій; но какъ на свѣшъ ничего нѣшъ совершеннаго; что даже первая красавица имѣешъ свои недосшашки, но и Людмила не избѣгла общей участи всего земнаго; ее кришиковали; эшо шожэ учашъ общая; за эшо и гнѣвашся не должно: кри-

шика, разумѣется благонамѣренная, основательная кришика, ешь волчій зубъ, изъясный уже изъ челюсти яростнаго звѣря, и оправленный въ красивую рукояшку, кошорымъ полируются изъясныя наши издѣлія: а на злую, на безшолковую кришику, весь ошвѣшь:» Собака лаешь, вѣшеръ носишь!» — На Людмилу появились кришики и аншикришики: — Творецъ оной, внявъ мнѣнію кришического Комишета, сошворилъ еще Ленору, въ подкрѣпленіе милой ея сестрички; и Ленора подверглась общей участи всего подлуннаго Царства — недосшашкамъ и кришикъ. — Вошь и мнѣ вздумалось написашь свою Милану: по нѣмецки маракуя шаки изрядно, я вникнулъ хорошенько въ планъ Бюргеровой Леноры; а какъ по милости залѣшнаго Тѣски я немножко усовершенствовался въ русскомъ языкѣ, шо, какъ говоришься, перекрещясь да въ воду, я написалъ свою Балладу — Милана — перенося дѣйствіе въ родимую ея опчизну; разсуждая въ прошомѣ моей: бумага шерпишь, почемужъ и мнѣ не написашь, когда нынѣ насшалъ такой бумага-марашельный вѣкъ, шо все пишущъ и грамошныя, и не грамошныя?» — написалъ, да и правъ! — вѣдь шакъ пріятно, бышь Творцемъ чего нибудь? хошя бѣ и дурныхъ стиховъ? — Почтенные члены

высокопочтенной публики, всё умѣющіе чи-
шашъ, чишайте и зѣвайше! все эшо будетъ
по модѣ? — кому придетъ охота, кришикуй;
я и на эшо гошовъ; и ни сердисься, ни он-
вѣчашъ не спану; сохрани меня Богъ, чтобы
я захошѣль мѣшашъ чужому удовольствію;
только, пожалуйста, пощадите Авпорское са-
молубіе, не браните въ глаза; а за глаза, есколь-
ко угодно; ибо заочная брань не есть брань,
какъ изрекла незабвенная Екашерина II,
ушвердивъ сіе премудрое изрѣченіе законнымъ
посшановленіемъ: — и мое дия не можешъ
бышъ безъ недосшашковъ, ибо оно швореніе
смершнаго, и слѣдовашельно подлежишъ кри-
шикѣ; я и самъ знаю его недосшашки, и не
поправляю ихъ; не пошому, чтобы предосшаш-
вишъ другимъ удовольствіе ихъ кришиковашъ:
нѣшъ, скажу откровенно: пошому что не у-
мѣю ихъ поправишъ: и слѣдовашельно съ дол-
жною признашельносношю прійму нашавленія
добросовѣшнаго учишеля. — Старинная пого-
ворочка гласила — кто лучше знаешъ, пому
и книги въ руки; а по новой методѣ, вмѣшо
слова *книги* спавишся *перо*; и пошому, кто
лучше знаешъ, шонъ пуешъ по лучше и на-
пишешъ. — Ахъ! Тѣёска! Тѣёска! зачемъ не
легкое шебя дернуло, принудишъ меня, усOVER-
шенешшовашься въ природномъ швомъ языкѣ!

никогда бѣ я не дерзнулъ пустишься въ спрашную пучину стихокропашельсва! но дѣло сдѣлано; съ сокрушеннымъ сердцемъ каюсь въ шомъ предо всей чишающей публикой, и клянусь самими Аншиподами, что никогда впредь не пушусь въ подобное безумство, какъ скоро приговоръ *законныхъ* собрашовъ моихъ обратишь меня оняшь въ прежнее сешественное мое положеніе, и оширавишь Аншиподовъ моихъ — къ Аншиподамъ? — Аминь! — а покамѣсь чишайше и судише! —

Б. Александръ Б.

М И Л А Н А.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ БЮРГЕРОВОЙ ЛЕНОРЫ.

Милана, воспрянувъ опъ шяжкаго сна,
Вспомнивъ о миломъ, вздохнула!
Полканъ ли измѣнникъ, мечшала она,
Иль смерть его очи сомкнула?
Съ Дружиною Царской пошелъ онъ войной
На Князя Липовска, Ягеллу;
И въсечки не далъ съ шѣхъ поръ ни какой;
Не вспомнилъ свою онъ Милану!

Царь Русской съ Ягеллой, наскучивъ борь-
бой,
Смягчили враждебную думу;
Окончили брань, и счастливой порой
Владыки склонились къ миру:
И полчища ратныхъ, съ весельемъ въ душѣ,
Обратно пустились въ отчину;
Осправивши прежде на чуждой землѣ
По падшимъ товарищамъ призну

Лавровыя вѣшки на шлемахъ гласяшь :
«Побѣда намъ вѣрная доля! —
«Но мечи булашны врага не разяшь;
«Священна намъ Царская воля!» —
Приблизился къ родинѣ рашиниковъ спрой;
Звукъ трубный въ дали уже заслышанъ;
И съ шумными пѣснями ѣдутъ домой: —
Глазъ милыхъ домашнихъ услышанъ! —

И всюду, горя нешерпѣньемъ живымъ,
Родные родимыхъ встрѣчаютъ;
Ведущъ ихъ съ восшоргомъ въ ошеческій
дымъ;

Ликуя, другъ друга лобзаютъ :
Творца милосердаго благодарятъ
Родные все единодушно;
Невѣстъ миловидныхъ ланиты горятъ,
Привѣстшвуя милыхъ радушно.

Лишь бѣдну Милану судьба обрекла
Не видѣться болѣе съ другомъ!
Она всю Дружину пять разъ обошла
Съ крайнымъ сердѣчнымъ недугомъ :
Спросила у многихъ, не знаетъ ли кто
О миломъ хошь вѣсточки малой?
Но всехъ былъ ошвѣстъ ей — «не знаемъ про шо
Не згибъ ли швой вишязь удалой?!»

Вошь минуль Милану весь рашниковъ шрой;
А милаго пѣшь, и не будешь!
Погибла надежда! — съ унылой душой
Красавица плачешь и стонешь:
И черные волосы рвешь на себѣ;
Опчаянъе разумъ мѣшаешь;
Кашаешься въ прахъ она на земль;
Изсущленнымъ взоромъ сверкаешь!

Мать пѣжная бросилась опрощь къ ней;
«О Боже! помилуй несчастну!
Въ какой, днша милое, днесъ ты бѣдѣ?»
И къ сердцу прижала Милану.
«Родимая! минуло все для меня!
«Свѣшь Божій не миль ужъ Миланѣ!
«Создашель не милосшивѣ! брошена я!
«О горе мнѣ! радощь въ могилѣ!» —

»О Боже, помилуй! будь милосшивѣ къ намъ!
Дочь милая! Дочь, помолися!
Создашеля воля полезная намъ:
Къ создашелю ты обратися! « —
«Родимая! щещна надежда сія!
«Немилосшивѣ Богъ!.. все погибло!
«Съ щеплою вѣрой не молилась ли я?!
«Но горе лишь злое посщигло!»

«О Боже, помилуй! кто знаетъ отца,
Тотъ знаешь, помощникъ онъ дѣшамъ:
Прійми свяшыхъ шаниъ, покайся, душа!
Его покоряйся вельньямъ!
Слегчишь свое горе!» — «Родимая, нѣшь!
«Ужъ горе мое безконечно!
«И шайны Христовы жизнь не возвращашъ!
«Усопшему все безвозвратно!»

«Но если, дружечикъ! Измѣнникъ Полканъ,
«Въ далекихъ Липовскихъ предѣлахъ,
«Отвергнувши праощевъ вѣру и санъ,
«Въ любовныхъ помилеша оковахъ?
«Забудь его, милая; новый вѣнецъ
«Достойнѣйшій сыщешся вскорѣ;
«Его же приблизишь когда конецъ,
«Измѣна прибавишь укорѣ.»

«Родимая, внимли! пошеряно все!
«Пошеряно ужъ не ворошишь!
«Смершь, вѣрная смершь, ешь желанье мое!..
«Скорѣ! почто же ны медлишь?!...
«Померкни, свѣтъ жизни, померкни во вѣкъ!
«Погибни во мракъ кромѣчномъ!
«Жестокій Создатель! почто Ты обрекъ
«Терзашься мнѣ въ горѣ сердѣчномъ!»

«О, праведный Боже! не увидишь ны въ судъ
Со немощнымъ швоимъ швореньемъ!
Не знаешь, что молвишь; къ ней милосшивъ
буди!»

Неправъ своимъ долгошерпънемъ!
О, дочь моя! земное горе забудь!
И вспоми о вѣчномъ блаженствѣ!
Спрошившихъ карашъ Божешвенный судъ!
Покорнымъ же доля въ эдемъ!»

«Родная! что значишь блаженство души!
«Что значашъ мученія ада!
«Бышь вмѣстѣ съ Полканомъ, блаженство
души!
«Съ нимъ розно бышь, къ раю преграда!
«Померкни свѣтъ жизни, померкни во вѣкъ!
«Погибни во мракъ кромѣчномъ!
«И счастье земное, и счастье во Вѣкъ
«Ищу я лишь въ другѣ сердѣчномъ!»

Ошчаянъе люшое шакъ разлилось
Въ жилахъ и мозгѣ у дѣвы;
И дерзкимъ укоромъ все ошозвалось
Надъ промысломъ Божьимъ безъ мѣры!
И грудь разшерзала, Милана, свою
И руки ломала, доколѣ
Днѣвное свѣшило зашло за чершу
Преградную взору въ полѣ.

Злашыми звѣздами покрывъ небосклонъ;
Все тихо. . . Милана очнулась!
«А, можешь бышь, точно въ живыхъ еще
онь?»

И въ избу свою ворошилась.
Съ шашкой надеждой въ свѣшлицу вошла,
И съ грустною думой присѣла:
Молишься же Богу мысль ей не пришла;
На образъ она не глядѣла.

Вдругъ слышишь, . . . по улицѣ кто-то скокъ,
скокъ,
Торопишься скокомъ, налѣшомъ;
Съ коня соскочилъ у крылечка ѣздокъ;
Къ свѣшлицѣ идетъ самолѣшомъ.
Онъ спукнулъ тихонько, условнымъ шолчкомъ;
Милана вздрогнула пріятно:
Ей слышишься голосъ . . . ей голосъ знакомъ;
Другъ милый гласишь уже вяшно:

«Скорѣе, голубушка, мнѣ ошопри!
Что, спишь ли, мой другъ, или рвешься?
И прежню любовь сохранила ли ты?
И плачешь ли, или смѣешься?»
«Ахъ! ты? мой Полканъ? что шакъ поздно
въ ночи?»
«Я бдѣла, и слезъ проливала!
«Ахъ! горьки кручины мой духъ извели! . . .
«Течерь вся кручина ошнала.

«Скажи же, опть куда ко мнѣ ты примчалъ?»

«Чшó было съ тобою до селъ?»

«Опть рашниковъ нашихъ за чѣмъ ты оп-
снчалъ?»

«Нль сбился съ дороги ты въ полѣ?» ...

«Коней мы сѣдлаемъ, лишь полночь пробьешь:

Лишву я сегодня оставилъ;

Срокъ данъ мнѣ прекрашкѣй; памъ рокъ меня
ждешъ;

Сюда я споны лишь направилъ;

Тебя, друга милаго, взявъ мнѣ съ собой;

Не шрапъ же ты время напрасно;

Взмахнись на коня, и поѣдемъ со мной;

Опоздывашъ, право опасно!»

«Но прежде, мой милый, въ свѣтлицу взойди;

«Въ объяхъ моихъ ты согрѣйся!»

«Слышь! Вѣшеръ бушуетъ; до ўпра пожди;...

«Дѣвицъ шусливой не смѣйся!»

«Пуешь вѣшеръ бушуетъ, кушарникъ кру-
шинъ!»

Пуешь пѣшнися грозно на волѣ!

Ужъ конь съ нешеркѣнья копыномъ смучишь;

Здѣсь медлишь не смѣю я долѣ:

Взмахнись на коня, и усядья за мной;

Сегодня сто миль намъ проѣхашъ;

И къ брачному ложу я долженъ съ тобой

Ужъ къ вечеру вѣрно доѣхашъ!»

« Не ужель шакъ скоро сей пушь совершишь,
« Намъ къ брачному ложу спѣшивши?
« Послунай! вѣдь колоколь еще гудишь;
« Двѣнадцатый часъ лишь пробившій. «
« Луна ярко свѣшивъ; не бойсь ничего!
Мы — съ мершвыми, скачемъ ошмѣнно!
Побьюсь объ закладъ, что сегодня еще
Домчимся съ побой непременно!»

« Скажи же, мой милый! гдѣ швое жилье?
« Гдѣ, какъ наше брачное ложе? » —
« Далекъ ошь сюда, укромно, свѣжо,
Шесть доспокъ, съ досчечками поже. »
« Для меня ешь мѣсто? » — « Обьемъ просторъ:
Взмахнись на коня воронова!
Ждушъ брачные гости, ликующихъ хоръ;
Всѣ ждушъ жениха молодова. « —

И красная дѣвица, ешдыъ позабывъ,
Топчасъ на конѣ очунилась;
И бѣлыми ручками вилошь обхвашивъ
Любовника, къ нему привилась.
И скокомъ, налѣшомъ, во всю конску прышь,
Помчались друзья безъ оглядки;
Какъ будышо боялись догнанными бышь,
Лешѣли чрезъ пашни и грядки.

И конь вороной, и всадники, духъ
Съ шрудомъ шолько переводили;
Удары копышь по каменьямъ, бухъ, бухъ,
По воздуху искры клубили.
И съ права, и съ лѣва, мѣлькались глазамъ
Заборы, поляне и рощи;
И громовой зыбъ грохошаль по мосшамъ,
Тревожа спокойешвіе нощи.

«Милана! дужишь?... Ярко свѣшишь Луна;
Ура! Мершвецы прышко скачущъ!
Боишься ли мершвухъ?» — «Ахъ! нѣшь... но
душа!

«За чѣмъ же спруну сію шронушь?!» —
Чшо слышно въ близи? . . кажись пѣнье и
звонъ?

И вороновъ разшевелили?
Слышь! звонъ погребальный! а пѣнье какъ
спонъ!

«Земль предадимъ шрупъ ошылый!» —

И вошь ужъ печальный приблизился ходъ;
Несли черный гробъ на раменахъ!
И лики казалсь, чшо пѣль сей народъ,
Какъ кваканье жабъ въ болошахъ!
«За полночь успеете похоронишь
Усопшаго съ благоговѣнемъ!
Теперь же вы должны за мной посѣщшишь,
И слѣдовашь моимъ вѣльнямъ!

Невъспу младую везу я въ мой домъ;
Діаконъ, явился ты съ хоромъ!
И брачныя лики, обычный псаломъ,
Горлань громогласнымъ напоромъ!
Священникъ! послѣдуй за нами и ты!
И прежде, чѣмъ брачное ложе
Насъ пріймешь, вѣнчай насъ, и благослови!
А шамъ ужъ — помилуй насъ Боже!»

И потчасъ умолкли, и пѣнье, и звонъ;
Пчезъ черный гробъ во мгновеньи!
Видѣнье, казалось, зловѣщій лишъ сонъ,
Тревожившій воображенье.
Вельньямъ Полкана послушными быть
Пошщилися всѣ безъ замяшки;
И скокомъ, налѣшомъ, во всю конеску прышь
Помчались вельдѣ безъ оглядки.

И борзые кони, и всадники, духъ
Съ шрудомъ шолько переводили;
Удары копытъ по каменьямъ, бухъ, бухъ,
По воздуху искры клубили!
И съ права, и съ лѣва, казалось, лешащъ
Куешарики, горы и дѣлы;
Селенія, грады, мѣшѣчки вершащъ
Быспрыной разспроенны взоры.

«Милана! шренещень?.. Ночною порой
Ура! Мершвецы прыпико скачунь!
Боишься ли мершвыхъ?» — «Ахъ.! мершвыхъ
покой!
«Не должно намъ грѣшникамъ пропущь!»
Что видно при лунномъ просвѣтѣ въ близи!
На лобной площадкѣ кружашся
Воздушныя шѣни! вертяшся въ пиши,
Вкругъ лобнаго мѣсна подпяшся!

«За мною, несися, воздушный народъ!
За мною поскачешь шы поже!
Пропляшешь шы свадебный намъ хороводъ,
Предъ всходомъ на брачное ложе!»
Вошь збродъ по пямъ, сей понесся, шу, шу!
И съ шелестомъ вслѣдъ напирашъ;
Казалось, какъ лишомъ засохшимъ въ лѣсу
Разъяренный вихрь играшъ.

И борзые кони, и всадники, духъ
Съ шрудомъ шолько переводили;
Удары копышъ по каменьямъ, бухъ, бухъ,
По воздуху искры клубили!
И быстро лешло, шеряшъ въ дали,
Луною, что вкругъ освѣщалошъ.
И небо, и звѣзды лешали!... Смошри,
Во взорахъ, какъ все измѣнялошъ! —

«Милана! дрожишь?... Ярко свѣшитъ луна!
Ура! Мершвецы лихо скачущъ!
Боишься ли мершвыхъ?»... «Ахъ! горе! бѣда!
«Не пронь мершвецовъ!.. Пущь не слы-
шущъ!»...
«Конь! Конь вороной! мнѣ кажись ужъ кри-
чишь,
Пѣшухъ, возвѣся часъ урочный!?!...
Въ часахъ уже скоро песокъ весь сбѣжишь;
Ужъ близокъ нашъ уголь упрочный!

Конь! Конь удалой! шоропись по скорѣй!
Я ушренный воздухъ ужъ чую!
Вошь скоро доскачемъ, пускайся быспрѣй!
Невѣсту веземъ прелихую!..
Домчались!... Окончанъ, Милана! нашъ пущь!
Вскрываешся брачное ложе!
Быспрѣ духи скачущъ!.. Пора отдохнушь!
Помилуй насъ грѣшниковъ, Боже!..»

И быспро къ чугуиннымъ врашамъ понеслись;
Хлыспомъ нашъ Полканъ лишь ударилъ,
Запоры слешѣли, враша разверзлись;
Храмъ Божій предъ ними печальный!...
Влешѣли въ ограду; ихъ пущь по гробамъ;
Мелькаюшся въ лунномъ просвѣщѣ,
Надгробные камни; кресы по мѣшамъ
Предсшали имъ въ мершвомъ привѣщѣ!

Увы! посмотри, какой ужасъ насшалъ!
Чудесно страшное явленье!
Съ милаго панцырь кусками ошпаль,
Доспѣхи свалились какъ плѣнье!
Глава обрапилася въ черепъ сухой;
Ошовомъ красивое шѣло!
И спаль мершведомъ нашъ удалой герой;
Движенье въ немъ все онѣмѣло!

На дѣбы поднялся шупъ конь вороной,
Зафыркавши дикимъ онѣ ржаньемъ!
И огненны брызги мешаль онѣ рѣкой
Ноздрями, громкѣмъ клокошаньемъ!
И вдругъ подѣ Миланой разверзлась земля!
Исчезло все, вмигъ провалилось!
Вошь на небѣ спрашно завьла шолпа!
Невидимо все суешилось.

Въ подземной слышанѣ былѣ жалобный
спонѣ!

Милана всемъ сердцемъ дрожала!
Межъ жизни и смерши, природы законѣ
Возчувствовавѣ, вся шрепешала!
Но вошь ужѣ, собравшись пушились плясашѣ,
При лунномѣ, блѣднѣющемѣ свѣшѣ,
Духѣ хороводѣ, и начавѣ ликовашѣ,
Завыли о вѣчномѣ завѣшѣ:

« Терпѣнье, несчастная жертва! терпи!
« Хошябъ раздиралося сердце!
« Творца шы вселенной на судъ не зови!
« Судъ страшнымъ шебъжъ отзовешся!
« Опъ брэннаго шѣла избавлена шы!
« Земль предадушъ все земное!
« А душу помилуй Богъ на небѣси!
« Все Божье вельнье свяшое!» —

Б. Александръ Б.

